

К вопросу о датировке первой пьесы А. П. Чехова

Гершаник А. Н.

Рукопись самой ранней пьесы Чехова была обнаружена в 1920 году. Титульный лист в ней отсутствовал, поэтому название пьесы оставалось неизвестным. О времени создания произведения можно было судить лишь на основании косвенных данных. Не вызывало сомнения, что оно создавалось в первые годы литературной деятельности писателя. Но когда именно?

В 1923 году Н. Ф. Бельчиков опубликовал пьесу, приблизительно (на основании почерка) датировав ее 1880-1881 годами.

Первая попытка восстановить обстоятельства творческой истории пьесы была предпринята при подготовке XII тома Полного собрания сочинений Чехова в 1933 году. В комментарии к этому изданию С. Д. Балухатый высказал предположение о том, что опубликованная Н. Ф. Бельчиковым без названия пьеса — это и есть «Безотцовщина», не однократно упоминавшаяся в воспоминаниях брата писателя, Михаила Павловича, драма, которая в 1878 году была прислана в Москву Чеховым-гимназистом из Таганрога. С этой пьесой С. Д. Балухатый связал и критический отзыв, сохранивший единственное документальное свидетельство о «Безотцовщине», — фрагмент из письма старшего брата Чехова, Александра Павловича, от 14 октября 1878 года. Публикуя пьесу под названием «Безотцовщина», зафиксированным применительно к драме 1878 года, исследователь все же рукопись датировал по-прежнему 1880-1881 годами. В монографии «Чехов-драматург» он повторил ту же версию, датировав в соответствии с нею пьесу 1878-1881 годами.

При подготовке 20-томного Полного собрания сочинений и писем Чехова 1944-1951 годов редакционная коллегия отказалась от этой версии. В комментарии Е. М. Коншиной указывалось, что для отождествления дошедшей до нас пьесы с драмой Чехова-гимназиста нет достаточных оснований. При этом Е. М. Коншина опиралась на другое свидетельство М. П. Чехова, приведившее в его воспоминаниях рядом с упоминанием о «Безотцовщине», — о написанной в студенческие годы большой драме, названия которой биограф не помнил. Эту предназначавшуюся для бенефиса М. Н. Ермоловой драму он впоследствии узнал в опубликованном Н. Ф. Бельчиковым тексте. В связи с этим название «Безотцовщина» при публикации было снято и произведение датировано началом 1880-х годов. Так же публиковалось оно и А. П. Скафтымовым в 12-томном издании сочинений Чехова (1963).

В 1963 году была опубликована статья М. П. Громова «Первая пьеса Чехова», в которой обосновывалась точка зрения, во многом возвращающаяся к версии С. Д. Балухатого. Исследователь утверждал, что мемуарные свидетельства не дают оснований считать, будто Чехов в 1878-1881 годах создал две разные пьесы, и что «Безотцовщина» — единственная драма начинающего писателя. Поэтому он датировал рукопись 1878 годом.

В 1972 году вопроса о датировке пьесы коснулся В. Д. Седегов в статье «Пьеса без названия в творческой биографии А. П. Чехова». Выдвинув гипотезу о существовании трех различных вариантов первой чеховской драмы (1878, 1879 и 1881 годов), исследователь предположил, что до нас дошел последний из них. При этом, ограничиваясь в достаточной мере произвольным толкованием различных мемуарных и автобиографических свидетельств, В. Д. Седегов не привел ни одного факта, противоречащего аргументации С. Д. Балухатого.

Эта аргументация легла в основу выполненного М. П. Громым комментария в новом академическом издании сочинений Чехова (1974-1983). Основные положения ее приняты авторами работ, которые вышли в последнее время.¹² И все же к вопросу о датировке пьесы, как нам представляется, есть основания вернуться.

Обратимся к тем аргументам, на которые опирается вывод М. П. Громова о том, что пьеса «была... закончена в Таганроге» (с. 397) и, следовательно, она и есть «Безотцовщина».

Прежде всего, «исследование всех биографических фактов», предпринятое М. П. Громовым, вряд ли достаточно для подтверждения такого вывода. Важнейшим из биографических свидетельств, очевидно, являются воспоминания М. П. Чехова — из них-то мы и узнаем о первых драматургических опытах его брата. Но биограф сообщает о двух разных пьесах молодого Чехова. Остается неясным, на каком основании комментатор подвергает сомнению это свидетельство.

Другой биографический факт М. П. Громовым вообще не истолковывается в связи с вопросом о датировке пьесы. Еще С. Д. Балухатый обратил внимание на сохранившееся в архиве Чеховых письмо конца 1881 года, в котором таганрожец А. В. Петров спрашивал: «А драма Ант[она] Павл[овича] когда будет отпечатана?» Отмечая, что «слово «драма» вполне подходит к бурным конфликтам пьесы» (с. 396), комментатор обходит вопрос о том, когда А. В. Петров мог узнать о ней. Однако В. Д. Седеговым установлено, что А. В. Петров в мае 1881 года побывал у Чеховых в Москве. Известно, кроме того, что летом 1881 года братья Чеховы побывали в Таганроге. И если А. В. Петров в конце этого года справляется о печатании «драмы», то не естественнее ли предположить, что речь идет о новом произведении, с которым он недавно ознакомился, а не о пьесе 1878 года, которую мог и не знать? Между тем это предположение ставит аргументацию М. П. Громова под сомнение.

Не совсем убедительны и выводы из «анализа рукописи», на который ссылается исследователь. Утверждение о том, что «при сличении чеховских автографов 1877-1879 гг. с рукописью пьесы никаких существенных различий в почерке обнаружить не удалось» (с. 396), конечно, едва ли дает что-либо для датировки рукописи, поскольку не доказано противоположное — различие почерка в этой рукописи и в более поздних автографах. Впрочем, и сам М. П. Громов еще в статье 1963 года признавал: «Почерк — плохая основа для точной (с приближением в 1-2 года) датировки».13 Что же касается «целого ряда характерных грамматических, языковых и других косвенных признаков», то из них комментатором названы лишь «южные диалектизмы», которые встречаются у Чехова «и позднее, но уже чрезвычайно редко», и «неправильные грамматические формы и ошибки» (с. 396-397). Но подобные признаки можно было бы использовать для датировки рукописи на основе предварительно проведенного специального лингвистического и палеографического исследования. Такое исследование не проводилось, да и не может быть проведено, поскольку чеховские рукописи конца 1870-х-начала 1880-х годов до нас не дошли. Из автографов писателя 1878-1881 годов сохранилось только девять коротеньких писем, и этого не достаточно, чтобы сколько-нибудь определенно судить об особенностях лексического состава и грамматического строя письменной речи Чехова. Поэтому суждения о частоте тех или иных отступлений в ней от лексических или грамматических норм в разные периоды жизни и творчества писателя не могут быть вполне объективными. Выделенные М. П. Громовым признаки, следовательно, в качестве датирующих указаний не имеют доказательной силы.

Наконец, в качестве «фактических данных, извлеченных из текста пьесы», в комментарии М. П. Громова фигурируют лишь два упоминания: о романе Захер-Мазоха «Идеалы нашего времени», почти одновременно в разных переводах вышедшем в Петербурге и в Москве в 1877 году,¹⁴ и о смерти Некрасова — 21 декабря 1877 года (с. 397). Но эти факты устанавливают только нижнюю хронологическую границу возможной датировки пьесы. Ограничиваясь ими, комментатор утверждает все же, что в пьесе «нет событий, которые произошли бы после 1878 года» (с. 397). Между тем он оставляет без внимания другие реалии, противоречащие этому утверждению.

Так, в IX явлении первого действия упоминается обличительная корреспонденция, помещенная одним из персонажей в «Русском курьере» (с. 26). Газета «Русский курьер» начала выходить в Москве с 26 июня 1879 года. Чехов приехал в Москву 8 августа того же года. Уже простое сопоставление этих дат вынуждает поднять нижнюю хронологическую границу датировки текста до конца 1879 года, а значит, исключает возможность отнести рукопись к таганрогскому периоду жизни автора. Из контекста, в котором появляется это

упомянутое, кроме того, ясно, что речь идет о прочно вошедшем в обиход издании, за которым утвердилась вполне определенная общественная репутация. Можно предположить поэтому, что время появления пьесы отделено от времени появления газеты «Русский курьер» до достаточно большим сроком.

Кроме того, обращает на себя внимание шуточное приветствие отставного полковника Трилецкого в VI явлении первого действия: «Салют вам из крупновской пушки!» (с. 21). Можно подозревать, что шутка эта содержит реальную приметку времени. В декабре 1880 года в Петербурге Альфред Крупп (сын владельца оружейных заводов) вел переговоры о размещении в Германии крупного заказа на изготовление пушек для русской армии. По этому поводу печать развернула кампанию в поддержку интересов отечественной промышленности. Обсуждались достоинства и недостатки крупновских орудий; при этом сообщалось о случаях, когда орудия эти разрывались при первом же выстреле. Если предположить, что комический эффект в данном случае связан именно с этими событиями, то нижняя хронологическая граница датировки текста может быть поднята до середины декабря 1880 года.

Некоторое основание для более точной датировки дает и упоминание книги «Современные деятели» в XI явлении первой картины второго действия (с. 74). Несомненно, речь идет об издании «Русские современные деятели. Сборник портретов замечательных лиц настоящего времени с биографическими очерками» (т. I-III, изд. А. О. Баумана, СПб., 1876—1878). С 1879 года оно продолжалось уже под другим названием: «Наши деятели. Галерея замечательных людей России в портретах и биографиях». Первые три тома были переизданы, однако, под прежним названием в 1881 году. Чехову могло быть известно любое из двух изданий. Но если рукопись создавалась в 1878—1880 годы, то почему названы «Современные деятели», а не «Наши деятели»? Упоминание именно «Современных деятелей» могло быть актуально либо в 1878-м, либо в 1881 году. Сопоставление указанных фактов позволяет считать вторую дату более вероятной и выдвинуть гипотезу о том, что рукопись создавалась не ранее 1881 года.

Вне поля зрения комментатора остаются и связи событийного ряда сюжета чеховской пьесы с реальными историческими событиями, которые могут служить в качестве косвенных датировочных указаний.

В начале второго действия Иван Иванович Трилецкий — «полковник в отставке» — говорит: «Послужи я еще лет пять, генералом был бы!» (с. 57). Из этого можно заключить, что в отставке он уже давно. И о событиях минувшей войны, в которой Иван Иванович участвовал, он говорит как об отдаленном прошлом: «Как теперь помню. . . Ну да. . . В генеральном штабе служил, дети мои. . . Я головой против неприятеля действовал, мозгами турецкую кровь проливал. . . Штыка не знаю, нет, не знаю. . .» (с. 58). О какой войне может идти речь? Очевидно, о русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Но это значит, что время действия чеховской пьесы в достаточной мере отдалено от событий этой войны, воспринимаемой уже как история.

В отвергнутом автором первоначальном варианте этой сцены встречается деталь, которая в совокупности с другими фактическими данными может послужить в качестве еще одного датировочного указания. Тот же Трилецкий-старший вспоминает: «Государь Александр Николаевич фамилию мою знал. . . Во время войны в главную квартиру раза три посылали. . . — «Давно на службе, Трилецкий?» — «Тридцать один год, ваше императорское величество!» - «Опусти руку. Поезжай с богом! Кланяйся там! Дай бог вам, дети мои. . .»

А моя эра прошла уже. . . Шабаш! Гроб, панихида. . .» (с. 345). Здесь о времени последней войны говорится тоже как об отдаленном прошлом.

Обращает на себя внимание форма прошедшего времени при упоминании об Александре II. Из контекста высказывания можно заключить, что в прошедшем времени здесь говорится не о самом факте (император «знал» раньше фамилию Трилецкого, но теперь ее забыл), а о личности «государя Александра Николаевича» («знал», потому что «эра» старого полковника прошла вместе с его царствованием). Но это означает, что действие

пьесы отнесено ко времени царствования Александра III, а тот текст, которым мы располагаем, создавался уже после 1 марта 1881 года.

Вместе с тем должна быть отмечена и еще одна реалья, сохранившаяся в окончательном тексте в одной из реплик Трилецкого-отца. Вспоминая свое знакомство с Пироговым, отставной полковник говорит о нем: «Умнейший человек. . .» (с. 59). Очевидно, во время создания пьесы Чехову еще не было известно о смерти знаменитого хирурга. Н. И. Пирогов умер 23 ноября 1881 года. Можно предположить поэтому, что верхняя хронологическая граница возможной даты ровки текста — конец ноября 1881 года.

Все перечисленные выше косвенные датирующие указания обнаруживаются в основном тексте рукописи — в той редакции, которая была подвергнута по следующей правке. И, таким образом, время создания чеховской драмы предположительно может быть отнесено к 1881 году.

Но наряду с косвенными данными следует учесть и внутреннюю хронологию биографий персонажей, которая позволяет увидеть характерные приметы времени действия пьесы.

При первом появлении героя в пятом явлении первого действия становится известно, что со времени смерти его отца прошло 3 года и 8 месяцев (с. 20). Тут же Платонов сознается, что в последние три года жизни отца они «были настоящими врагами» (с. 21). Из предшествующего рассказа Глагольева о Платонове - отце понятно, какого рода разногласия вызвали враждебность между ним и сыном. «Как нельзя лучше характеризующим покойника» Глаголев считает по ведение старшего Платонова на суде, где в качестве присяжного тот настаивал на оправдании лихоимца-землемера. При этом Василия Андреевича поддержали «дворяне», которые в конце концов и «пересилили» в суде «крестьян». Будучи идейным противником отца, отстаивающего дворянские «привилегии» в эпоху либеральных реформ, Платонов оказывался, таким образом, «народолюбом». Так методом «от противного», по-видимому, отмечена Чеховым важная ступень идейной эволюции героя — первый момент его духовного роста, необходимый для понимания драмы Платонова.

В том настроении ума, которое привело Платонова к разрыву с отцом, его помнит Софья Егоровна. С той поры миновало «четыре с половиной года, почти пять лет» (с. 33). Теперь Платонов весьма далек от того, все еще занимающего воображение Софьи образа «служителя идеи», преклонение перед которым он сам когда-то ей внушил (см. с. 33-34).

В момент действия пьесы Платонову 27 лет (см. с. 85). Следовательно, период становления общественных взглядов, приведший к разрыву с отцом, он пережил в 20 лет, а в 22-23 года бросил университет.

В уже упоминавшемся XI явлении первой картины второго действия из диалога Платонова и Николая Трилецкого становится известно, что Трилецкий не только друг и родственник Платонова, но еще и ровесник его: он с Платоновым «в гимназии по-латыни единицы получал. . .» (с. 73—74). В первоначальном варианте одной из предшествующих сцен время рождения Трилецкого-сына было указано достаточно точно. Перечисляя свои награды, Трилецкий-отец гордится: «Георгий солдатский. . . Под Севастополем еще получил, как раз в тот день, когда ты, Николай, родился» (с. 345). Эту деталь можно рассматривать как прямое датирующее указание, которое позволяет соотнести внутреннюю хронологию биографий чеховских героев с исторической судьбой определенного поколения.

Родившись в 1854-1855 годах, 27-летнему возрасту герой Чехова мог достичь не ранее 1881 года. Следовательно, Платонов должен был оставить университет и отправиться учительствовать в деревню в 1876-1877 годы, а момент его идейного самоопределения должен быть отнесен к 1874-1875 годам. Таким образом, вехи судьбы Платонова совпадают с основными вехами народнического движения. И значит, в нем зритель должен был узнать разочарованного участника «хождения в народ».

По точному определению Г. А. Вялого, Платонов — «традиционный герой, персонифицирующий целое поколение». Появление чеховского «героя времени» было

чрезвычайно актуально с точки зрения самых общих закономерностей литературно-общественного движения эпохи. Судьба Платонова, из мечтателя превратившегося в скептика, выражала новую общественную коллизию «разрушения воли», которая станет характерной для литературы 1880-х годов, а потом и для литературы о «восьмидесятниках». Коллизия эта возникла в истории в совершенно определенный момент: сразу же после событий 1 марта 1881 года.

Таким образом, в характере героя пьесы, в особенностях его настроений, имеющих отчетливую идейную подоплеку, прослеживаются конкретные приметы времени. В данном случае все указывает на обстановку, возникшую в России после убийства Александра II народолюбцами, на время начинающейся общественной реакции.

Все приведенные соображения позволяют заключить, что жизненный материал, на котором строится чеховский сюжет, шире таганрогских впечатлений Чехова-гимназиста, а идейное содержание пьесы не исчерпывается названием «Безотцовщина».

Рассматривая пьесу Чехова в контексте литературно-общественного движения начала 1880-х годов, можно увидеть некоторые признаки своеобразия мировоззренческой и литературной позиции начинающего писателя. С этой точки зрения важно истолковать обстоятельства творческой истории пьесы, смыкающиеся с обстоятельствами ее несостоявшейся сценической истории, которые позволяют приурочить появление пьесы к определенному этапу творческой эволюции писателя.

У нас нет оснований усомниться в достоверности свидетельства М. П. Чехова о том, что драма предназначалась для бенефиса М. Н. Ермоловой. Это обстоятельство подтверждается и сохранившейся вместе с рукописью карандашной запиской Чехова, адресованной актрисе (см. с. 393). Но из этого следует, что молодой автор был знаком с творчеством Ермоловой и предназначал для нее одну из ролей.

Известно, что Ермолова покровительствовала начинающим драматургам. Драма Чехова во многом не уступала пьесам «из современной жизни» ермоловского репертуара тех лет. И несмотря на чрезмерную величину (пьеса почти втрое превосходила обычные с точки зрения драматургии 1870—1880-х годов размеры), она могла бы заинтересовать актрису. Почему же этого не случилось?

Прежде всего, вероятно, потому, что в ней не было героико-романтической роли, которая подходила бы Ермоловой. Ведь именно такого плана роли неизменно избирались ею для бенефисов. Отсутствие женского характера, соответствующего трагическому амплуа Ермоловой, не было, по-видимому, случайностью. В то же время было бы неверно, как нам представляется, видеть здесь непонимание специфики сценического искусства.

В пьесе Чехова «героини времени» оказывались под стать «герою». Это было принципиально важно для чеховской трактовки современности. В характерах чеховских героев парадоксальным образом сочеталось то, что с точки зрения господствовавших литературных и театральных традиций представлялось не соединимым.

В самой крупной и тщательно выписанной женской роли, возглавлявшей список действующих лиц, — роли Анны Петровны Войницевой, которая, вероятно, и предназначалась Ермоловой, — актрисе предстояло показать соединение ума, красоты и благородства с самым откровенным цинизмом. Эта роль, как, впрочем, и все другие женские роли пьесы, резко отличалась от специфически «ермоловских» ролей. Основным средством создания характеров в драме Чехова становилась ирония, резко противопоставлявшаяся патетике драматургического языка 1870-х годов, которому соответствовал и сценический язык Ермоловой.

Предлагая свою пьесу именно ей, молодой Чехов, как можно предполагать, сознательно отстаивал и свои представления о жизненной правде, и одновременно свои взгляды на драматическое искусство. Целью начинающего драматурга было завоевание сцены Малого театра — первой русской сцены того времени. Но не покровительства искал Чехов. Ему нужно было согласие со своей точкой зрения. Такого согласия он не получил.

Едва ли возможно предположить, чтобы для бенефиса Ермоловой могла предназначаться юношеская драма 1878 года, написанная Чеховым до усвоения «уроков» Малого театра — «второго университета» Москвы 1880-х годов. Появление известной нам пьесы, таким образом, может рассматриваться как факт творческой биографии Чехова, относящийся именно к началу 1880-х годов, к периоду вступления его в литературу.

Вопрос о том, как связан дошедший до нас текст с написанной в гимназические годы «Безотцовщиной», оказывается самым сложным из всех вопросов, встающих в связи с датировкой первой чеховской пьесы. Тема «отцов и детей», без условно, одна из главных в драме. Однако коллизия «безотцовщины» не составляет существа драматургического конфликта пьесы. Она отступает на второй план перед коллизией «разлада» между словом и делом, коллизией «разрушения воли». Можно предположить, что юношеская «Безотцовщина» — материал, растворившийся в новой пьесе, названия которой мы так и не знаем. Трудно судить о том, чем и насколько различались эти пьесы. В свете приведенных наблюдений можно тем не менее допустить, что дошедшая до нас драма — новое, самостоятельное произведение, хотя и основанное, бесспорно, на более раннем драматургическом опыте молодого Чехова.

Ни одно из приведенных соображений само по себе, естественно, не может служить основанием для решения вопроса о датировке чеховской пьесы. Однако в совокупности своей все сказанное по зволяет заключить, что наиболее вероятным является предположение о датировке* известной нам рукописи серединой 1881 года. О времени работы над пьесой можно судить на основании того факта, что с начала декабря 1880-го до конца июля 1881 года в печати не появлялось (по крайней мере не обнаружено) ни одного произведения Чехова. Именно тогда, оставив все другие замыслы, как это случилось и впоследствии во время работы над крупными вещами, Чехов, вероятно, и создавал свою драму. Во всяком случае, над другим крупным произведением он в это время не работал, и никакой другой причиной нельзя объяснить столь длительный перерыв в чеховских публикациях конца 1880-го-первой половины 1881 года.